

УДК 159.9.01

Цель статьи – эмпирическим путем выявить типы испытуемых по параметрам религиозности личности, субъективного благополучия, удовлетворенности семейной жизнью, стресса и частоты применения наказаний к детям. В выделенных типах фиксируется благоприятный и неблагоприятный баланс заложенных в их основу характеристик и связей между ними.

Ключевые слова: религиозность личности; наказания; удовлетворенность семейной жизнью; стресс.

The article aims at empirical finding of respondents according to parameters of person's religiosity, subjective well-being, satisfaction with family life, stress experience and frequency of punishing their children. In classified types favorable and unfavorable balances of characteristics and their interconnections are established.

Keywords: person's religiosity; punishment; satisfaction with family life; stress.

Д. М. Чумакова

*Курганский государственный университет
E-mail: mihailchv@mail.ru*

Типология испытуемых по критериям религиозности и социального взаимодействия в семье

Научная статья

D. M. Chumakova

Kurgan State University

Typology of Respondents by the Criteria of Their Religiosity and Social Interaction in the Family

Scientific article

Религиозность личности представляет собой сложную целостность, включенную в общий ансамбль личностных качеств и систему социального взаимодействия [1]. Она является интегративным личностным образованием, влияющим на социальное взаимодействие. В литературе показаны взаимосвязи интегральных процессов и социального взаимодействия. Например, М. В. Чумаков показал влияние эмоционально-волевой сферы на социальное взаимодействие в семье [2]. Многочисленные исследования по психологии семьи раскрывают множество связей между различными социально-психологическими параметрами семейного социального взаимодействия и личностными особенностями [3]. В настоящее время недостаточно изучены типы испытуемых с учетом параметров социального взаимодействия [4]. Религиозность неоднородна и различным образом проявляется в социуме. Проблема заключается в том, чтобы выявить

устойчивые сочетания параметров религиозности, личностных качеств и характеристик социального взаимодействия. Изучение религиозности в этом случае станет более дифференцированным, а проявления религиозности в социальном взаимодействии более предсказуемыми.

Целью исследования является эмпирический анализ типов испытуемых по параметрам религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Гипотеза, проверяемая на данном этапе исследования, состоит в следующем. Сочетание параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье является основанием для выделения типов испытуемых. Выборку исследования составили 201 человек (132 женщины и 69 мужчин) в возрасте от 22 и до 45. Все респонденты имеют детей. Учитывался образовательный уровень родителей, интенсивность и характер их профессиональной активности, семейный статус (женат,

женат вторично, разведен, вдовец), количество детей. Выборка сбалансирована таким образом, что представлены испытуемые с различными характеристиками и никакая из них не является преобладающей настолько, чтобы повлиять на результаты исследования. Религиозность рассматривалась как качество личности, имеющее различные уровни [5].

Для проверки гипотезы был использован кластерный анализ. В основу кластеризации легли параметры религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Образ семьи влияет на идентификацию личности. Параметры религиозности личности представлены показателем общей религиозности и показателем субъективного благополучия в религиозной сфере. Два показателя, связанные с социальным взаимодействием в семье, отражают его эмоциональную сторону. Это показатель удовлетворенности различными сферами семейной жизни и величина эмоционального стресса. Ряд параметров отражает частоту наказаний, применяемых родителями к ребенку. Показатели религиозности взяты как баллы по соответствующим методикам. Показатель удовлетворенности является суммой показателей удовлетворенности по пяти сферам семейной жизни (способность семьи контролировать стрессовые ситуации, распределение семейных обязанностей, характер обсуждения проблем в семье, характер заботы членов семьи друг о друге, климат и атмосфера в семье). Показатель эмоционального стресса является суммой семи показателей.

В кластерном анализе были учтены интегративные переменные, разделяющие наказания на деструктивные и конструктивные. В одной из выделенных групп показатели частоты наказаний оказались выше как по первой, так и по второй категории. Это свидетельствует о том, что в данных группах преобладает установка наказывать чаще или реже без дифференциации наказаний по их видам.

Выделенные кластеры явно различаются по пяти из шести выделенных параметров. Первый кластер в сравнении со вторым обладает такими характеристиками, как высокая религиозность личности, высокое субъективное благополучие в религиозной сфере, высокая удовлетворенность семейной жизнью и низкая частота применения наказаний к ребенку.

Отмечается меньшая величина эмоционального стресса у испытуемых первого кластера по сравнению со вторым. Это кластер благоприятного сочетания религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Полученные данные согласуются с исследованием эмоционального аспекта регуляции [6]. Второй кластер характеризуется низкой религиозностью, низким субъективным благополучием в религиозной сфере, низкой удовлетворенностью семейной жизнью, тенденцией к эмоциональному стрессу и высокой частотой наказаний детей, особенно в категории наказаний, связанных с физической и психологической агрессией по отношению к ребенку. Это кластер неблагоприятного сочетания религиозности личности и социального взаимодействия в семье.

В итоге можно констатировать, что в первом кластере частота наказаний выше практически по большинству индикаторов, а именно по 18 из 25. Различия по 8 из 18 индикаторов высоко значимы ($p < 0.001$). По двум видам индикаторов наказаний различия хотя и не достигают значимых величин, но близки к ним, так что можно говорить о тенденции.

Таким образом, вывод о том, что первый кластер составляют испытуемые, реже использующие наказания, подтверждается. Кроме того, можно увидеть более детализированную картину. Различия между кластерами касаются почти всех разновидностей физических наказаний, индикаторы которых входят в тестовую батарею. Только по двум из них уровень значимости немного не достигает пороговой величины, хотя тенденция явно прослеживается и укладывается в общую логику интерпретации. Различия между кластерами по большинству физических наказаний довольно выражены и значимы на высоком уровне вероятности. Далее рассмотрены показатели подшкалы субъективного благополучия в религиозной сфере, копинга стресса с опорой на религию, открытых и закрытых реакций родителей на воспитательное воздействие, эмоциональной подавленности родителей и их толерантности по отношению к ребенку. Толерантность по содержанию индикаторов теста состоит в терпимости родителей к поведенческим проявлениям ребенка, провоцирующим реакцию раздражения. Характеристика толерантности представляет собой суммарный показатель по соответ-

ствующей шкале. Открытые и закрытые реакции родителей на применение наказаний к детям связаны, в частности, со склонностью к рефлексии [7]. Рассмотрение данных показателей завершает сравнение выделенных кластерным анализом групп.

Результаты сравнения кластеров по параметру субъективного благополучия в религиозной сфере с учетом подшкал теста показывают, что разница значима как по параметру экзистенциального субъективного благополучия, так и по параметру субъективного благополучия в сфере, традиционно и в узком смысле относимой к области религии. Причем различия по данной подшкале даже более выражены. Эти данные согласуются с полученными ранее эмпирическими фактами [8].

Испытуемые, относимые к первому кластеру, более субъективно благополучны в религиозной сфере. У них шире реестр копинг-стратегий за счет использования дополнительной стратегии копинга с опорой на религию, ниже уровень эмоционального стресса и напряжения. Испытуемые из второго кластера, будучи менее религиозными, обладают меньшими возможностями использовать копинг с опорой на религию, менее субъективно благополучны в религиозной сфере и обладают более высоким уровнем эмоционального стресса и подавленности. Испытуемые, составляющие первый кластер, более толерантны к поведению своих детей, чем испытуемые второго кластера, и их реакции на наказания менее закрыты.

Можно выдвинуть предположение об одном из механизмов влияния религиозности личности родителей на частоту наказаний детей. Обращение к религии выступает как копинг стресса, снижая его интенсивность в семейной жизни и увеличивая субъективное благополучие, в том числе в религиозной сфере. Возможно, наиболее значимую роль в наблюдаемой группе показателей играет субъективное благополучие, которое вполне объяснимо сочетается с более низким уровнем эмоционального стресса, удовлетворенностью семейной жизнью и, как следствие, с меньшей частотой наказаний детей, и меньшему количеству конфликтных ситуаций в семейном взаимодействии [9].

Результаты кластерного анализа констатируют наличие двух ясно выделяемых и многочислен-

ных групп испытуемых. Параметры религиозности и социального взаимодействия в семье, отличающие эти кластеры, образуют психологически понятные группы черт. Полученные в нашем исследовании данные позволяют констатировать, что эмпирически установлены две группы испытуемых, каждая из которых имеет определенный набор параметров. Однако, с нашей точки зрения, нельзя утверждать, что все люди делятся на две выделенные категории. Анализируемые категории охватывают только часть генеральной совокупности испытуемых и не завершают эмпирический поиск, а скорее начинают его. Можно теоретически представить еще, как минимум, две группы людей. Группа, у которой высокие показатели религиозности личности сочетаются с неблагоприятными параметрами социального взаимодействия, и группа, у которой низкие показатели религиозности сочетаются с благоприятными параметрами социального взаимодействия. Для поиска эмпирического подтверждения существования этих групп необходимо расширить перечень индикаторов религиозности личности, например за счет шкал религиозного фундаментализма, а также расширить перечень индикаторов социального взаимодействия.

В целом можно говорить, что результаты кластерного анализа подтверждают гипотезу о том, что высокие показатели религиозности личности сочетаются с низкими показателями частоты наказаний и что совокупность параметров, свойственная тому или иному типу, может быть благоприятной и неблагоприятной для социального взаимодействия.

Ссылки

1. Чумакова Д. М. Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С. 111–114.
2. Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция деятельности как интегральный процесс // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психофизиология, психология и медицина. 2008. № 12. С. 104–106.
3. Чумаков М. В. Личностные особенности супругов и психологические характеристики

современной семьи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 19 (278). С. 30–36.

4. Чумаков М. В. Типы учащихся с недостатками развития эмоционально-волевой сферы // Профессиональное образование. Столица. 2005. № 10. С. 26.

5. Чумаков М. В. Психофизиологические основания волевых качеств личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2005. № 4 С. 71–74.

6. Чумаков М. В. Эмоциональные аспекты волевого усилия // Вестник Южно-Уральского

государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 5 (138). С. 77–86.

7. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. 450 с.

8. Чумакова Д. М. Социально-психологические особенности семьи и религиозность родителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 27 (203). С. 100–103.

9. Кашапов М. М Теория и практика решения конфликтных ситуаций: учебное пособие. М.; Ярославль: Ремдер, 2003. 183 с.